

РОССИЯ И БОЛГАРИЯ: МЕЖДУ «ВОЙНАМИ ПАМЯТИ» И ПОИСКОМ ОБЩЕГО ПРОШЛОГО

К.А. Пахалюк

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В рамках данной статьи обращение к истории в контексте внешней политики России рассматривается как апелляция к квазитрансценденции, посредством чего к практическим (политическим, экономическим) аспектам сотрудничества добавляется идеальное измерение. Отмечается, что только в 2010-е гг. отечественная дипломатия стала уделять повышенное внимание подобным символическим аспектам, призванным придать моральное основание проводимому внешнеполитическому курсу через отсылку к той исторической роли, которую играла Россия на международной арене. На практике политизация исторической памяти происходит за счёт включения исторической тематики во внешнеполитический дискурс, а также через различные символические практики обращения к общему прошлому во время официальных визитов. Автор предлагает различать непосредственно места памяти и символические жесты, направленные на их актуализацию. Российско-болгарские отношения характеризуются асимметрией пространств совместной памяти, которые локализованы преимущественно на территории Болгарии. Сам факт наличия общих практик обращения к совместной истории (торжественные церемонии, православные богослужения, возложения венков) позволяет превращать места памяти в совместные пространства памяти, однако интерпретация этих символических жестов в России и Болгарии структурируется разными национальными историческими нарративами. Память о русско-турецкой войне 1877-1878 гг. и освобождении Болгарии в годы Второй мировой наделяется большим значением именно в Болгарии, нежели в России. Подобная асимметрия приводит к тому, что значительная деятельность по обустройству мест памяти, созданию новых мемориалов оказывается незаметной в России, причём на уровне внешнеполитического дискурса скорее доминируют акценты на негативных моментах (например, действия отдельных вандалов по осквернению памятника Советской Армии в Софии), что лишает проводимую работу на местах символической поддержки и при этом формирует миф о «болгарской неблагодарности».

Ключевые слова: историческая память, дискурс-анализ, внешнеполитическая идентичность, внешнеполитический дискурс, культурная политика, общественная дипломатия, «мягкая сила», российско-болгарские отношения, русско-турецкая война 1877-1878 гг., мемориальное сотрудничество.

УДК 327

Поступила в редакцию 01.06.2018 г.

Принята к публикации 16.08.2018 г.

Не вызывает сомнения, что сегодня обращение к прошлому имеет важное значение как во внутривнутриполитической жизни национальных государств, так и на международной арене. Как правило, в первом случае исследователи уделяют внимание формированию коллективных идентичностей (групповых, городских, национальных и пр.), а также тому, как и почему политические элиты манипулируют историческими символами. Сложнее дело обстоит с изучением роли исторической памяти в контексте современных международных отношений. Ответ на данный вопрос зависит от того, в каком ракурсе – национальном или глобальном – исследователь смотрит на международные отношения.

В первом случае обращение к прошлому будет рассматриваться как один из способов манифестации внешнеполитической идентичности¹ или проекцией «мягкой силы», служащей формированию позитивного образа страны. «Исторический аргумент» нередко используется для легитимации конкретных внешнеполитических действий: например, в 1999 г. для обоснования бомбардировок Сербии США активно сравнивали косоваров с евреями, а С. Милошевича – с А. Гитлером [1, с. 218-225]. Или наоборот, отдельные события прошлого могут стать причиной для выдвижения различных претензий (от публичных извинений до выплаты компенсаций). В 1990-е гг. крушение авторитарных режимов в ряде стран Европы и Латинской Америки сопровождалось поиском новых оснований национальной идентичности, что потребовало выстраивания нового национального нарратива и переоценку «авторитарного», или «трудного», прошлого [47; 48].

Во втором случае акцент смещается в сторону того, как обращение к прошлому позволяет укреплять или видоизменять сложившийся международный порядок. История может служить обоснованием территориальных претензий, требований пересмотреть или наоборот сохранить конкретный существующий институт. Более того, апелляция к совместному прошлому используется как способ укрепления интеграционных процессов. Наибольшее внимание исследователей привлекли процессы формирования общеевропейской мемориальной культуры. В 1990-е гг. активизация евроинтеграционных процессов сопровождалась попытками формирования единой культурной политики, которая включает и представления об общем прошлом [36; 44]. В основу была положена память о Холокосте, а её стержнем стала этика ответственности европейцев за трагедию еврейского народа. Обращение к этой трагедии призвано преодолеть (но не разрушить) национальные исторические нарративы и сформировать транснациональную мемориальную культуру, способствующую укреплению приверженности общеевропейским ценностям, прежде всего, демократии и правам человека [37; 44; 45; 51]. Определенные успехи в 1990 – начале 2000 гг. позволили ряду исследователей поставить вопрос о возможности глобальной (космополи-

¹ См.: например, фигуру «ложной Европы», воспроизводящуюся в дискурсе внешнеполитической идентичности: См.: [29, с. 315-418].

тичной) памяти [33; 39; 41; 42; 45; 50; 52]. Конечно, вскоре оказалось, что многие в странах Восточной Европы предпочитают не говорить о своей роли в уничтожении евреев, а представлять себя жертвами «советской агрессии». Этика ответственности была подменена этикой жертвы, произошла самовиктимизация [27]. Всё это запустило широкую дискуссию на общественном, научном и политическом уровнях, в центре которой находится проблематика преступлений, жертв и ответственности.

Неудивительно, что именно эти процессы привлекают внимание учёных, однако ошибочно утверждать, будто пространство политически актуальной истории в Европе ими ограничивается. За пределами внимания остаётся встраивание истории в «классические» двусторонние отношения. В качестве такого примера мы выбрали взаимодействие между Россией и Болгарией, в рамках которого в последние годы проблемы прошлого получают всё большее звучание. Основная цель статьи заключается в том, чтобы прояснить, в чём именно заключается политическое значение истории и почему оно вообще возникает.

Совместные пространства памяти: теоретическое конструирование

Коллективная память не существует вне языкового пространства: посредством различных знаков она должна сообщаться и коммуницировать внутри определённой общности людей, чтобы иметь социальное значение. Это утверждение верно и для международных отношений. А потому мы предлагаем ввести понятие *совместных пространств памяти*, которое отсылает ко всем попыткам обозначить, что конкретные исторические сюжеты являются сегодня именно общим прошлым. Потенциально число подобных сюжетов может составлять бесконечное множество и не ограничиваться собственно двусторонними отношениями. Эти пространства формируются вовсе не на пустом месте. Как отмечал Б. Як, особое значение историческая память имеет в национальных сообществах, которые основываются на базе общего культурного наследования [35, с. 142]. Ключевую роль играет национальный исторический нарратив, т.е. то, в какую последовательность интегрируются разрозненные события, какое значение им придают. Отсюда следует, что совместные пространства памяти являются теми точками, где взаимодействуют различные исторические нарративы.

Необходимо прояснить, в чём именно заключается собственно политическое значение совместных пространств памяти. Как правило, политическое значение истории связывают с проблемами легитимации и коллективной идентичности, т.е. относят его к идеальному измерению. Мы предлагаем сделать шаг дальше и рассмотреть историю как связующее звено между актуальной политикой и трансцендентными ценностями. Отталкиваясь от постфундаменталистской традиции в политической философии, мы утверждаем, что любой политик

нуждается в трансцендентных ценностях для легитимации своих действия или притязаний [20; 46]. Однако к ним достаточно сложно апеллировать в условиях сокращения «горизонта будущего», окончательного крушения больших идеологий и роста антиэссенциалистской критики. Поэтому актуальные политические ценности стали подкрепляться через отсылку к прошлому, которое воспринимается как объективное, достоверное, а потому надёжное основание. На международной арене подобные апелляции являются одним из ключевых моральных обоснований внешней политики.

Политическое значение совместных пространств прошлого мы помещаем на стыке политической прагматики и тех ценностей, которые актуализируются при обращении к истории. Корректное обозначение именно политической составляющей коллективной исторической памяти является основной теоретической и практической проблемой. Именно поэтому мы с осторожностью относимся к понятию «мягкая сила», под которым зачастую имеют в виду практики идеологического влияния, что отличается от первоначального смысла, вложенного в него Дж. Найем. Не будет преувеличением сказать, что сам он использовал его как эвфемизм по отношению к более известному понятию гегемонии [2]. Стремление рассматривать «общественную дипломатию» как один из механизмов проекции «мягкой силы» конкретного государства является в концептуальном плане противоречивым. Оно заставляет исследователя, как внешнего наблюдателя, рассматривать чуть ли не любую частную инициативу в культурной сфере как проекцию «мягкой силы», а её инициаторов – как представителей государства. Точно так же не решают эту проблему предложения тех, кто разграничивает публичную дипломатию, проводимую в политических целях и финансируемую государством, и общественную дипломатию как неполитизированную активность в культурной и гуманитарной областях [6]. Внешнеполитические ведомства нередко используют различные НКО для выполнения конкретных задач, придавая проводимой деятельности «нейтральный» статус, в то время как независимые НКО, наоборот, могут пытаться придать политическое звучание своим частным инициативам. В действительности же речь идёт о символической игре, разобраться в подлинных мотивах участников, их реальных взаимоотношениях внешнему наблюдателю зачастую невозможно.

В этой связи мы предпочитаем говорить о *плавающей политизации*, когда конкретной деятельности в культурной сфере дискурсивно либо придается политическое значение, либо наоборот отрицается таковое. Привилегированное право на это имеют официальные представители государства и ключевых политических сил, которые, например, самим фактом присутствия на открытии мемориала или выступления на историческую тему придают данному месту памяти или высказанным интерпретациям политическую значимость. Точно так же общественные деятели и журналисты могут пытаться придать политическое значение конкретным историческим событиям, местам памяти или интерпретациям. Однако в этом случае мы всегда должны быть осторожны, спрашивая

себя, действительно ли эти попытки влияют на формирование коллективных идентичностей, на политическое взаимодействие и государственную политику.

В контексте мемориальной сферы наиболее очевидными являются примеры, когда памятники в честь советских солдат или военачальников в странах Восточной Европы дискурсивно начинают политизироваться (например, трактоваться как символы «российского империализма» или «тоталитаризма»), что ведёт к требованиям их сноса. Не будет преувеличением сказать, что войны памяти – это то, что создаётся дискурсивно. Официальные структуры подобны царю Мидасу: сам факт прикосновения к истории, артикуляции пусть самых нейтральных событий уже вводит их в политическое пространство. И чем большая значимость придаётся какому-то событию прошлого, тем больше политические оппоненты будут стремиться дезавуировать официальную трактовку.

Возвращаясь к тезису о принципиальной дискурсивности коллективной памяти, мы утверждаем, что весь описанный выше процесс функционирования совместных пространств памяти должен быть выражен в определенных формах. С точки зрения устойчивости мы предполагаем различать *символические жесты* (заявления, выступления, конференции, торжественные церемонии), ограниченные по времени и кругу участников, и *места памяти*, локализованные в пространстве (например, памятники, захоронения, топонимы) или во времени (памятные даты). Очевидно, что символическое значение мест памяти также требует постоянной артикуляции и воспроизводства, в противном случае оно будет утеряно. Подчеркнём, что было бы ошибочным считать, будто совместные пространства памяти являются проявлением единства взглядов: скорее речь идет именно о желании подчёркивать общность и готовность к диалогу.

В контексте российско-болгарских отношений обращение к истории проявляется обычно в двух формах: во-первых, через включение её во внешнеполитический дискурс, в рамках которого происходит перформативное производство внешнеполитической идентичности, во-вторых, через обращение к прошлому во время официальных визитов, когда наиболее отчётливо историческое прошлое позиционируется как квазитрансценденция. В обоих случаях это позволяет выйти за пределы повседневной прагматики и соприкоснуться с неким идеалом, который перформативно призван убедить, что отношения между странами не сводятся только к решению узких прагматических вопросов.

Совместные пространства памяти и национальные исторические нарративы

Историки могли бы перечислить многие страницы российско-болгарских отношений, однако на данный момент наиболее востребованными в политическом отношении являются только две из них: русско-турецкая война 1877-1878 гг. и завершающий этап Великой Отечественной войны. Многие другие события (например, болгарское происхождение митрополита Киприана, русско-турецкие войны 1768-1774 гг. и 1828-1829 гг., работа болгар в Коминтерне, русские

эмигранты, участие болгар в советских космических полётах) практически не артикулируются на политическом уровне и не привлекают широкого общественного внимания. Особняком стоит 24 мая, когда в православном календаре поминаются святые Кирилл и Мефодий. В Болгарии эта дата празднуется как День болгарского образования, культуры и славянской письменности, Кирилл и Мефодий воспринимаются как национальные святые, а создание славянской письменности – как болгарский вклад в мировую культуру. В России же 24 мая с 1990 г. является памятной датой (День славянской письменности), призванной зафиксировать скорее значимость России как центра славянской культуры. Ввиду разницы национальных исторических нарративов 24 мая является общей датой, но не совместным прошлым.

Концентрация на военных событиях объясняется влиянием того символического пространства, которое выстроилось ранее, а также доминированием в обеих странах национально-ориентированного исторического нарратива. Это в определённой степени облегчает разговор о совместном прошлом ввиду сходства структур базовых картин мира [23; 30], однако имеет ряд значимых следствий. Во-первых, совместные пространства памяти могут выстраиваться на основе только тех событий, которые получили определённую значимость в обеих национальных историях, что объясняет селекцию политически пригодного прошлого и ограничение указанными двумя темами. Во-вторых, за пределами внимания оказываются «трудные» страницы, например, Балканские войны 1912-1913 гг. (они воспринимались в Болгарии как продолжение Освободительной войны, а потому отсутствие чёткой позиции у России и ее фактическая поддержка Сербии нанесли удар по русофильским настроениям и вызвали разочарование в действиях русской дипломатии) [15; 17; 18] и участие в военных действиях друг против друга в годы Первой мировой. Эти события не настолько значимы, чтобы начать работу по их преодолению, однако на уровне общественных и интернет-дискуссий они, несомненно, продолжают подпитывать взаимные негативные стереотипы.

В-третьих, если строящееся общеевропейское пространство памяти основано на разделяемых ценностях и общей этической перспективе, то в российско-болгарском контексте утверждение универсальных принципов является проблематичным, поскольку в обеих странах служение своей нации и является главной ценностью. Не будем забывать о доминировании в России этики добродетели (а не этики универсальных принципов, подобных кантовскому категорическому императиву [32, с. 272]), покоящейся на образцах должного поведения, т.е. героях. Эта же логика транслируется и во внешнеполитический дискурс. Неудивительно, что основанием совместных пространств памяти стал образ солдатской крови, пролитой на болгарской земле. Обращение к памяти солдат, которые предстают как жертвы, принесённые во имя свободы болгарского народа, – это и есть «идеальное измерение» российско-болгарских отношений. Достаточно легко выработать общие практики обращения к этой квазитрансценденции в виде

установки памятников, проведения православных церемоний, возложения цветов, однако намного сложнее найти те способы, которые позволяли бы именно интерпретировать этот символ. Образ героев, принесших себя в жертву, является ключевым для формирования национальных сообществ, но при этом оказывается слишком «сильным» для обеспечения устойчивости совместных пространств памяти. Если налаживание сотрудничества сопровождается отсылкой к той роли, которую Россия сыграла в становлении болгарской независимости, то политические противоречия начинают трактоваться как предательство памяти погибших солдат.

Здесь мы выходим на другую отличительную черту, а именно асимметричность. Прежде всего, она проистекает из особенностей национальных исторических нарративов. События 1877-1878 гг. являются частью учреждающего мифа Болгарии, поскольку венчают национально-освободительную борьбу против османского ига. Даже сегодня попытки отдельных учёных дать негативную оценку роли России остаются маргинальными [13]. 3 марта, день подписания Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, остаётся ключевым национальным праздником (таким он был до 1944 г. и с 1990 г.). Особое внимание уделяется августовским боям на Шипке (где вместе с русскими сражались воины из Болгарского ополчения, входившего в состав русской армии), а Самарское знамя (преподнесено 3-й дружине ополчения от горожан Самары) стало государственной святыней. Вторая мировая война знаменует собой рубеж и вступление страны в социалистический период, который в отличие от других стран Восточной Европы не воспринимается сегодня однозначно негативно.

В контексте российского исторического нарратива война 1877-1878 гг. – лишь одно из героических событий. Например, в современных учебниках истории ей не уделяется серьёзного внимания, причём, объём материала даже сократился по сравнению с советским временем [12]. Ещё сложнее обстоят дела с периодом Великой Отечественной войны, поскольку освобождение Болгарии традиционно является лишь частью общего нарратива об освободительной миссии Красной Армии. При этом политический союз Софии с Берлином на общественном уровне трактуется как участие болгар в войне против СССР, чего в действительности не было. В сентябре 1944 г., когда советские войска оказались на границе, в Болгарии произошёл государственный переворот, к власти пришла оппозиция. Формально наши страны находились в состоянии войны только два дня, причём боевых действий не велось. Сформированные после две болгарские армии приняли участие в освобождении Европы, а генерал В. Стойчев стал участником Парада Победы в Москве.

Основные места памяти локализованы именно на территории Болгарии. Здесь находятся порядка 420 памятников и захоронений войны 1877-1878 гг. и 140 – эпохи Второй мировой (не считая могил 1,5 тыс. белоэмигрантов, похороненных на Центральном кладбище в Софии!) [26]. Как минимум 21 село названо в честь русских военных, общественных и государственных деятелей эпохи Ос-

вободительной войны. В России же ключевым местом памяти русско-турецкой кампании является находящаяся в центре Москвы (Ильинский сквер) часовня в честь гренадёр, погибших под Плевной. Именно здесь в последние годы стали проходить памятные мероприятия 3 марта. В 2005 г. в Санкт-Петербурге воссоздали Колонну Славу, которую в 1886 г. установили в честь той победы. Некоторые участники той войны тоже увековечены: прежде всего известен генерал М.Д. Скобелев. Памятники имперского периода были разрушены в советское время, только в 1995 г. появился монумент в Рязани, а в 2014 г. – в Москве. Память командира Болгарского ополчения генерала Н.Г. Столетова увековечена в топонимике Владимира. В Самаре имеются улица Старой Загоры (современное название Ески-Загры) и отдельные панно из мозаики на тему русско-болгарской дружбы. До 2017 г. существовал открытый в 1975 г. кинотеатр «Шипка», судьба которого сейчас находится под вопросом. Кроме того, на болгарские средства в 2007 г. в Холме Новгородской области был установлен бюст майору П.П. Калитину (героически погиб в бою у Ески-Загры), а в 2017 г. – генералу Н.Г. Столетову во Владимирском университете. В обоих случаях памятники ставились на их малой родине. В России эти образы включены в контекст героев воинской славы, а потому связь с Болгарией отступает на второй план.

Асимметрия определяет и особенности использования совместного прошлого как ресурса «мягкой силы». С одной стороны, именно на болгарской территории локализуются основные места памяти, составляя неотъемлемую часть символического пространства страны, что является весомым потенциалом для формирования позитивного образа России в сознании болгар. С другой стороны, проведение различных памятных церемоний (от возложения венков до установки новых монументов) в присутствии российских официальных представителей призвано оказать эмоциональное воздействие перед переговорами. Такое положение складывалось исторически, а потому полагаем возможным кратко очертить историю историко-мемориальных связей России и Болгарии.

История памяти русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Исходной точкой стало увековечение памяти жертв русско-турецкой войны 1877-1878 гг., в результате которой Болгария в усечённом виде получила независимость. Живая память об этих событиях требовала закрепления, которое происходило в виде обустройства захоронений, создания памятников, включая памятные храмы и часовни. На первом этапе основная роль принадлежала непосредственно русским воинским частям, которые занимались обустройством захоронений своих чинов. В одних случаях ограничивались собственными силами, в других объявляли общероссийские акции по сбору средств. В дальнейшем со стороны болгар обустройством и поддержанием захоронений занималось Министерство общественных сооружений и путей сообщений (на эти цели вносились сумма примерно в 5 тыс. франков). С 1910 г. эти функции переданы Во-

енному министерству, а в военном бюджете средства проходили по статье «военно-исторические музеи» [11, с. 42].

Вскоре после окончания войны российское военное ведомство поставило вопрос об установке 11 типовых памятников на местах наиболее значимых сражений, причем, необязательно окончившихся победой. Тогда же обозначилось и ключевое место памяти – оборона Шипкинского перевала. В сентябре 1879 г. было получено разрешение императора Александра II на сбор средств для возведения храма-памятника и монастыря [5, с. 146; 24]. Однако реализации строительства помешали объединению Княжества Болгарии с Восточной Румелией в 1885 г. и последующее ухудшение отношений, дошедшее до разрыва. В 1888 г. было объявлено о временном прекращении строительных работ. Свернулись и другие проекты. Например, в 1887 г. упомянутая выше памятная часовня в честь гренадёр была освящена в Москве, хотя изначально ее планировалось установить непосредственно на месте боев. Однако несмотря на все это именно в 1888 г. официальным национальным праздником Болгарии стало 3 марта, т.е. день подписания Сан-Стефанского договора, который рассматривался не столько в контексте освободительной миссии России, сколько как символ национального возрождения [4, с. 173].

Ситуация изменилась только после восстановления дипломатических отношений в 1897 г. Активную работу проводил болгарский комитет «Царь Освободитель Александр II», созданный в 1899 г. известным просветителем Стояном Зимовым. В 1900-е гг. были созданы ключевые на данный момент места памяти. В Софии напротив Народного собрания в 1905 г. был установлен памятник Александру II, а ещё годом ранее недалеко от этого места стал строиться величественный храм Св. Александра Невского. Его строительство закончилось в 1912 г., однако освящен он был только 12 лет спустя: вмешались события двух Балканских и Первой мировой войн [16]. На юго-западной окраине Плевена создан мемориальный парк в честь генерала М.Д. Скобелева, а в самом городе появился мавзолей-памятник в виде православного храма в честь погибших русских и румынских солдат. Параллельно вернулись к проекту храма-памятника и монастыря на Шипке. Освещение состоялось в 1902 г. в 25-ю годовщину боёв. В дальнейшем рассматривался вопрос о создании дома инвалидов, однако из-за отсутствия достаточного финансирования и нежелания самих инвалидов переселяться сюда проект так и остался на бумаге, как и идея духовной семинарии. Инвалидный дом здесь был создан позднее, правда, уже для русских эмигрантов.

Кроме того, комитет вернулся к высказанной ещё в начале 1880-х гг. идее музеифицировать те дома, где в годы войны останавливался император Александр II или представители царской фамилии. В 1907 г. состоялось открытие четырёх домов-музеев Александра II (под Плевеном), императора Александра III (с. Бяла), вел.кн. Владимира Александровича (с. Горна Студена) и вел.кн. Николая Николаевича (с. Пордим) [34].

В первое десятилетие XX в. сформировалась «базовая инфраструктура памяти», обозначились её тематические доминанты (не противоречащие в целом объективной значимости боёв), хотя, конечно, существовали серьёзные проблемы с удаленными от населенных пунктов захоронениями русских солдат, которые находились порою в плачевном состоянии. Если в 1878-1886 гг. инициатива в области коммеморации принадлежала царскому правительству, то уже после утраты политического влияния в стране оно потеряло прежний интерес, сосредоточившись на обустройстве монументального храма-усыпальницы в Сан-Стефано, Турция (взорван в 1914 г.). В небольших городах и деревнях десятки памятных знаков появились по инициативе и на средства местных жителей. Однако для самих болгар ввиду решений Берлинского конгресса освободительная война ещё не завершилась, а потому вести ее политическое руководство было готово не только «вопреки» официальной России, но и – если потребуется – против неё, что продемонстрировали события 1912-1918 гг.

После Первой мировой войны коммеморация событий 1877-1878 гг. продолжалась. Так, в 1934 г. на Шипке появился величественный памятник Свободы. Более того, сама Болгария стала одним из центров притяжения русских эмигрантов [25; 28]. Обращение к памяти об этой войне служило задаче поддержания групповой идентичности и повышения социального престижа. Отметим, что ветеранам тех лет болгарское правительство выплачивало специальные пенсии [22]. В сентябре 1944 г., с приходом Красной Армии, события полувековой давности оказались востребованы, чтобы символически подчеркнуть её освободительную миссию, указав на преемственность между «старой» и «новой» Россией. Так, в 1944 г. у входа в храм под Шипкой была установлена памятная доска солдатами 3-го Украинского фронта, в которой в стихотворной форме воздавалась дань памяти героизму русских солдат [5, с. 168]. Весьма известными стали и кадры торжественной церемонии возложения венков к памятнику на Шипке. В одном из документальных фильмов, посвящённых освобождению Болгарии, внимание уделено дожившему до этого дня ветерану Болгарского ополчения, который в старой форме приветствовал красноармейцев².

События сентября 1944 г. стали учредительным мифом социалистической Болгарии, а учитывая тесные политические связи между Москвой и Софией, неудивительно, что роль Красной Армии получила символическое закрепление. Наиболее значимые – памятники Советской армии в Софии (1954 г.) и советскому воину-освободителю в Пловдиве (1957 г.), прозванному «Алёшой» и ставшему одной из ключевых архитектурных доминант города. Отметим, что монументы, связанные с событиями 1877-1878 гг., не были уничтожены, включая памятник Царю-Освободителю. Упомянутые выше дома-музеи были переименованы, а экспозиции перемонтированы, чтобы отражать роль простого солдата и народных масс в тех событиях. В 1950-е гг. памятные места на Шипке были объедине-

² РГАКФД. № 5365. Болгария, 1946 г. Реж. Р. Кацман.

ны в единый мемориальный парк, сюда нередко приезжали различные делегации из СССР. В 1977 г., к 100-летию, в Плевене в Скобелевском парке открылась панорама «Плевенская эпопея – 1877». Попутно отметим, что коммеморации подвергались и другие страницы совместной истории. В 1950 г. город Новградец (до 1934 г. – Козлуджи) переименован в Суворово в честь русского военачальника, одержавшего здесь победу в 1774 г.

Конечно, ввиду тесных политических отношений в социалистический период упомянутые выше места памяти были призваны зафиксировать в том числе и политическую лояльность Болгарии Советскому союзу. Однако сводить мемориальную политику лишь к политической конъюнктуре невозможно, поскольку именно эти войны занимают центральное место в болгарском историческом нарративе. Потому неудивительно, что ноябрьские события 1989 г., сворачивание связей с Россией на протяжении всех 1990-х гг. и активная переориентация на евроатлантические и общеевропейские институты не привели к разрушению созданного мемориального пространства. В сравнении с другими странами Восточной Европы в Болгарии наблюдаются наибольшие симпатии к социалистическому периоду [47]. «Нежная революция» ноября 1989 г. являлась по сути внутрипартийным переворотом, в результате которого глава коммунистической партии Т. Живков оказался смещен, а правящая партия вскоре сменила название (став Болгарской социалистической партией) и продолжила существование на политической арене [3].

Неудивительно, что спустя 20 лет исследователи констатировали, что ноябрьские события не стали новым «учредительным мифом» демократической Болгарии, а интерес к их празднованию в 2009 г. проявили в большой степени представители ЕС, нежели местные политические силы [40, р. 214-215]. Конечно, были сделаны определенные шаги по декоммунизации: в 1990-е гг. только в Софии переименовали более 210 улиц [10, с. 121], самого Т. Живкова привлекли к уголовной ответственности, ликвидировали звание активного борца против фашизма и коммунизма. В 1991-1995 гг. временно действовал т.н. «Закон Панева», запрещавший членам бывшей компартии преподавать в вузах. В 1991 г. разовые компенсации получили узники порядка 100 концлагерей (они существовали в 1944-1962 гг. и через них прошло около 23 тыс. человек). В 2003 г. они стали получать ежемесячные пособия, однако принятие соответствующего закона сопровождалось обширной общественной полемикой относительно его необходимости [43, р. 47]. В некоторых случаях затрагивалась и память о Второй мировой: так, город Тоблухин был обратно переименован в Добрич, а памятник в честь маршала убран с центральной площади. В 2001 г. его вновь установили уже в России, в г. Тулаеве [19]. В 2011 г. в Софии открылся Музей социалистического искусства, в котором собрали 77 монументальных скульптур, ранее убранных с улиц городов (в основном памятники В.И. Ленину, Т. Живкову и другим политическим лидерам).

Экономический спад 1990-х гг. привёл к тому, что общественная полемика о текущем положении оказалась структурирована сравнением с достижениями

социалистического периода, которые в глазах многих предстают более убедительными. Эти настроения приходится учитывать и действующим политикам. В этом плане характерно поведение лидера партии «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ) Б. Борисова, который в 2009 г. стал премьер-министром. В торжественной речи победу своей партии на выборах он посвятил памяти дедушки, расстрелянного коммунистами в 1944 г. Однако вскоре, отвечая на вопросы журналистов, он заявил о некорректности сравнений результатов работы его правительства с теми, что были достигнутыми при Т. Живкове: «Даже если бы мы смогли построить один процент от того, что Живков построил для Болгарии, даже если бы мы могли сделать один процент того, что он сделал во время своего правления... это было бы невероятным успехом... Тот факт, что за 20 лет после отстранения его никто не забыл, свидетельствует, что он сделал многое. Последние двадцать лет мы только и делаем, что приватизируем созданное тогда» [40, р. 214-215].

Таким образом, существующий мемориальный ландшафт был создан прежде всего благодаря усилиям болгарской стороны. Сложно найти другое государство, в символическом пространстве которого столь значительное место уделялось бы России, а память о социалистическом прошлом (как в случае с Чехией и Польшей) не являлась бы реальным камнем преткновения. Это коррелирует с наличием достаточно сильных русофильских настроений в болгарском обществе. Так, в начале 2010-х гг. 78% опрошенных называли себя русофилами и только 21% – русофобами, 63% выступали за развитие тесных отношений с Россией. Конечно, это не отменяет наличия различных фобий, дескать, развитие отношения с Россией может оторвать Болгарию от Европы. Характерно, что даже возврат 3 марта оспаривался тогда оппозицией ввиду тесной связи этой даты с Россией [4].

Политизация совместного прошлого: дискурсивный подход

После развала социалистического блока Болгария пережила серьёзный экономический спад, который затронул и российско-болгарские экономические связи, которые начали восстанавливаться только в 2000-е гг. При этом политически Болгария стала с 1990-х гг. все больше ориентироваться на объединённую Европу. Как заметил один болгарский политолог: «Мы выбираем не между Западом и Россией, а между Западом и ничем» [8]. В 2004 г. Болгария вошла в НАТО, а в 2007 г. – в ЕС.

С преодолением мирового финансового кризиса 1997-1998 гг. и избранием В.В. Путина на пост президента началась активизация российско-болгарских отношений. Значение имел и приход в 2001 г. к власти Национального движения Симеона Второго, которое при сохранении интеграции в евро-атлантические структуры как стратегической цели ставило задачу улучшить отношения с Россией [7, с. 92], стимулируемые сотрудничеством в энергетической и военно-технической сферах.

Отталкиваясь от особенностей российского внешнеполитического дискурса [29], мы можем выделить место исторической проблематики: с одной стороны, она не воспринимается со всей серьёзностью (ввиду доминирования реализма), а с другой, обращение к прошлому призвано возвестить о роли России в мире и на европейской арене. История является тем возвышенным, которое придает проводимой внешнеполитической линии идеальное измерение.

Российско-болгарские взаимоотношения отличаются значительным драматизмом, причём в нулевые годы предпринимались попытки со стороны России добавить идеальное основание проводимой политике. В 2003 г. на 125-летие Освобождения пришёлся визит В.В. Путина в Болгарию. Обращение к истории имело ярко выраженное эстетическое значение: посещение памятника на Шипке придало символизм деловым переговорам, однако его расшифровка, т.е. облечение в языковую форму, оказалась затрудненной. Так, в интервью Болгарскому национальному телевидению В.В. Путин мимолётом упомянул: «Что касается политического взаимодействия, то здесь сам Бог велел – у нас много совпадающих геополитических интересов. Даже тот факт, что мой визит совпадает со 125-летием освобождения Болгарии от османского ига, уже говорит, наверное, о многом»³.

В январе 2008 г. во время очередного визита В.В. Путина в Болгарию тема общего прошлого на официальном уровне затрагивалась вскользь, а российскую делегацию на торжественных мероприятиях к 130-летию Освобождения представлял глава верхней палаты парламента С.В. Миронов. В опубликованной в болгарских СМИ статье В.В. Путина место для истории нашлось лишь в конце, хотя среди общих страниц прошлого фигурировала не только эпоха болгарского Освобождения, но и «общие духовные и культурные традиции»⁴. В дальнейшем из высокопоставленных российских государственных деятелей к теме общего прошлого обращался министр иностранных дел С.В. Лавров летом 2014 г. Общей исторической памяти в его официальных выступлениях уделялось больше места, при этом произошло и некоторое расширение сферы «актуального прошлого» за счёт митрополита Киприана⁵.

Примерно к концу нулевых годов начинают нарастать негативные тенденции в двусторонних отношениях. На экономические отношения повлиял мировой финансовый кризис, а упомянутый Б. Борисов начал проводить вовсе не

³ Интервью Президента России В.В. Путина Болгарскому национальному телевидению и газете «Труд», Москва, 27 февраля 2003 года // МИД России. Официальный сайт. 01.03.2003. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/crime/-/asset_publisher/3F5lZsLV5x4R/content/id/530470 (дата обращения 04.06.2018).

⁴ Россия и Болгария: давние традиции дружбы и задачи сегодняшнего дня. Статья опубликована в болгарских СМИ: «ТРУД», «24 ЧАСА», «СТАНДАРТ», «СЕГА», «ДУМА», «РУСИЯ ДНЕС» // Президент России. Официальный сайт. 17.01.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24775> (дата обращения 04.06.2017).

⁵ Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова болгарскому информационному агентству «Фокус», опубликованное 7 июля 2014 года // МИД России. Официальный сайт. 07.07.2014. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/bg/-/asset_publisher/10DICivBpk4q/content/id/678494 (дата обращения 04.06.2017).

дружелюбную политику. При этом произошла интенсификация сотрудничества в рамках НАТО, а санкционная война ещё сильнее ударила по экономическим отношениям [14; 21]. Кроме того, в России раздражение вызывают поставки на Украину вооружений. Впрочем, нельзя не заметить, что в 2017 г. обозначилась положительная динамика в экономических связях, равным образом и премьер Б. Борисов, и президент В. Радев одинаково высказывались за пересмотр анти-российских санкций.

Параллельно в 2010-х гг. на уровне центрального аппарата МИДа наметилась тенденция уделять всё большее внимание историческим событиям. На фоне спада в российско-болгарских отношениях это привело к доминированию негативных аспектов. В частности, резкую реакцию стали вызывать акты вандализма по отношению к памятникам советской армии в Софии (август 2013 г., февраль и сентябрь 2014 г., апрель 2015 г., июнь и октябрь 2017 г.) и в Пловдиве (март 2017 г.). Лейтмотивом заявлений, придающих дополнительную символическую значимость действиям отдельных вандалов, являлось обвинение в забвении подвига советского солдата. В марте 2016 г. отповеди удостоилась статья министра иностранных дел Болгарии Д. Митова, а именно интерпретации, принижающие роль России в освобождении Болгарии и обосновывающие тезис о «советской оккупации» 1944-1947 гг.⁶

Нарастание напряжённости в «мемориальной сфере» привело в 2016-2018 гг. к громким медийным скандалам. Так, в марте 2016 г. ввиду доминирования тезиса о неблагодарности болгар многие российские СМИ и даже политики приняли за правду фейковую новость о том, что на годовщину Освобождения они позвали представителя Турции, а не России. Другой скандал случился в 2017 г., когда во время визита македонского президента Г. Иванова в Москву, пришедшегося на День славянской письменности, В.В. Путин отметил, что славянская письменность пришла с македонской земли. То, что казалось нейтральным заявлением, вызвало резко негативную реакцию болгарской общественности и МИДа.

Подобные конфликты проистекают как из-за разницы доминирующих национальных нарративов, так и столкновения на ценностном уровне, когда обе страны используют прошлое как предмет национальной гордости. Показательный пример произошёл в ноябре 2017 г., когда официальный представитель МИДа М.В. Захарова, комментируя очередной акт вандализма по отношению к памятнику советскому солдату в Софии, заявила, что именно СССР спас болгарских евреев от Холокоста. В контексте болгарского исторического нарратива планировавшиеся депортации в начале 1943 г. были отменены ввиду активной позиции Болгарской православной церкви (БПЦ) и общественности, что сегодня является предметом болгарской национальной гордости [38, р. 113]. В знак признательности в 1996 г. на территории Израиля был открыт специальный ме-

⁶ Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 11 марта 2016 года // МИД России. Официальный сайт. 11.032016. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonKJE02Bw/content/id/2140275 (дата обращения 04.06.2018).

мориальный лес в честь болгарского народа, а в начале 2017 г. именно эта страна выдвинула БПЦ на соискание Нобелевской премии мира. Высказывание М.В. Захаровой вызвало скандал, поскольку было расценено болгарской общественностью как покушение на национальную историю. Впрочем, исторически ситуация была несколько сложнее: болгарское правительство выступило соучастником высылки в марте-апреле 1943 г. более 12 тыс. македонских и фракийских евреев в лагерь смерти Треблинка, а собственно болгарские евреи были выселены из столицы и лишены собственности. Их же итоговое спасение было результатом многих причин, среди важнейших – на что указывают и зарубежные историки – победы Красной Армии под Сталинградом и Курском [49].

Другой скандал, сопровождавший празднование 140-летия Освобождения в марте 2018 г., мы интерпретируем как столкновение на трёх уровнях: исторических нарративов, ценностных оснований и прагматических (политических) аспектов. Российскую делегацию возглавлял патриарх Кирилл, который на круглом столе раскритиковал президента В. Радева за размывание роли русской армии в освобождении болгар и выражение благодарности представителям других стран. Ирония заключается в том, что сама речь президента во время торжественного парада в Софии не содержала таких смыслов: в ней центральное место отводилось именно России, цитировались манифест об объявлении войны Александра II и слова Ф.М. Достоевского о народном энтузиазме, и только в самом конце упоминалось, что «на полях брани русско-турецкой освободительной войны погибли воины многих национальностей: русские, румыны, финны, украинцы, белорусы, поляки, литовцы, сербы и черногорцы»⁷. Заметим, что с исторической точки зрения в приведённом выше перечне только появление литовцев вызывает вопросы, хотя некоторые из них ввиду всеобщей воинской повинности могли быть мобилизованы. Заметим, что 3-й лейб-гвардии Финляндский стрелковый батальон являлся действительно национальной частью, где преимущественно служили финны. Более того, установленный под Плевной памятник в честь погибших здесь стрелков-финнов ещё с социалистических времен является общим местом памяти Болгарии и Финляндии.

Если рассматривать подобные выступления не как попытку рассказать о прошлом, а перформативно выстроить отношение к нему, то в этих словах сложно увидеть умаление роли России. Однако отсылки к роли европейской общественности и выделение представителей тех этнических групп, которые на данный момент образовали независимые государства, определяются политической прагматикой Болгарии как участницы евроинтеграционных процессов. Характерно отсутствие упоминания татар, чеченцев, осетин, ингушей или евреев, которые тоже служили в русской армии и отличились в боях в Болгарии [9]. Само же выступление было направлено на утверждение идеи общеевропейского единства.

⁷ Слово на президента Румен Радев по повод Националният празник на България – Трети март // Президент България. Официальный сайт. 03.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.president.bg/speeches-and-statements4285/slovo-na-prezidenta-ruмен-radev-po-povod-natsionalniya-praznik-na-balgariya-treti-mart.html> (дата обращения: 04.06.2018)

Естественно, ни на прагматическом, ни на ценностных уровнях речь В. Радева не соответствовала ожиданиям российской делегации.

Другое противоречие возникло на уровне исторических нарративов, т.к. в России непринято в истории той войны выделять представителей различных этнических групп. Здесь же мы сталкиваемся с более глубокой проблемой, а именно: как конкретно должны наследоваться достижения имперского периода. В России господствует государственноцентричный взгляд, именно преемственность государственных институтов даёт возможность говорить о «наследовании этой победы» в полном объёме. Однако государства, территории которых тогда входили в состав империи, считают себя также причастными к ней. Мы не ставим под сомнение правомерность последнего подхода, однако полагаем важным отметить, что порою подобная символическая борьба может принимать весьма странные формы. Например, посольство Украины в Болгарии распространило сообщение, в котором обосновывало, что в значительной мере русская императорская армия была украинской по этническому составу⁸.

Разразившийся медийный скандал способствовал актуализации негативных образов друг о друге: в одном случае звучали обвинения в неблагодарности, в другом – в имперском высокомерии⁹. У болгарской общественности раздражение вызвал сам тон патриарха Кирилла. Хотя российскими СМИ его возмущение было подано как ответ на выступление Радева, в действительности ситуация обстояла несколько сложнее. Незадолго до этого глава российской делегации принял участие во встрече с премьер-министром Б. Борисовым, который, судя по видеозаписи, действительно подчеркнул, что лично выразил благодарность за освобождение главам ряда восточноевропейских стран¹⁰. При этом, как обратил внимание на своей странице в «Фейсбуке» болгарист Н.С. Гусев, имела место ошибка перевода. Б. Борисов, говоря о значимости 3 марта, подчеркнул, что в этот день «высказываем почтение ко всем убитым, раненым воинам, которых больше всего было из России», в то время как переводчик опустил последнюю часть фразы про Россию.

Ни посольство, ни российский МИД никак не прокомментировали этот скандал, видимо, не посчитав слова болгарских политиков оскорбительными. Однако полемика явно свидетельствует об отсутствии на общественном уровне общего языка обращения к прошлому. Конечно, существуют общие практики, которые формируют совместные пространства памяти. Патриарх Кирилл во время встречи с прессой по итогам визита подчеркнул, что участие в богослужении непосредственно на Шипке вместе с болгарским патриархом стало для

⁸ Прессьобщение за приноса на Украйна и украинците в Освобождението на България // Посольство Украины в республике Болгария. 03.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://bulgaria.mfa.gov.ua/ua/press-center/news/63388-pressobshhenije-za-prinosa-na-ukrajna-i-ukraincite-v-osvobozhdenijeto-na-blgarija> (дата обращения 04.06.2018)

⁹ См. дискуссию с участием российских и болгарских историков на страницах журнала «Историческая экспертиза»: [31].

¹⁰ <https://www.facebook.com/boyko.borisov.7/videos/2135590616668997/> (дата обращения 04.06.2018)

него глубоким духовным опытом¹¹. Однако, как показал ход скандала, камнем преткновения является отсутствие именно общего языка обращения к совместному прошлому, разница в исторических нарративах, а также прагматических и ценностных основаниях.

За пределами внешнеполитического дискурса

За пределами внешнеполитического дискурса остаётся значительная работа в мемориальной сфере, которая ведётся на территории Болгарии. Проводником выступает целая сеть болгарских государственных и общественных организаций. Основная роль принадлежит именно болгарам, поскольку вся существующая символическая инфраструктура поддерживается именно ими. Например, ещё в 2006 г. организация «Болгарское наследие» объявила акцию «Сохрани болгарское» по уходу за памятниками, включая связанные с Россией. В мае 2017 г. под патронатом президента В. Радева был создан Национальный комитет по празднованию 140-летней годовщины освобождения. Активность проявляет Фонд устойчивого развития Болгарии, который также инициировал комплекс мероприятий. Отдельно стоит отметить ежегодные (в августе) масштабные реконструкции боёв на территории мемориального комплекса на Шипке, причём степень вовлечённости российских реконструкторов оставляет желать лучшего. Кроме того, в 2003 г. было создано Национальное движение «Русофилы» Н. Малинова, тесно взаимодействующее с российским посольством в части проведения памятных мероприятий. Отдельно отметим деятельность историков-русистов Софийского университета (Р. Михневу, В. Колева и др.), которые реализуют ряд российско-болгарских семинаров и образовательных программ.

Если в Болгарии ключевую роль играют представители общественности, то со стороны России – официальные представительства: посольство в Болгарии, два генеральных консульства, Российский культурно-информационный центр (РЦИК) в Софии, а также Дом Москвы в Болгарии. Как правило, основная деятельность заключается в присутствии на организуемых болгарями торжествах, а также проведение отдельных культурных мероприятий. В памятном календаре основное внимание уделяется русско-турецкой освободительной (3 марта) и Второй мировой войнам (23 февраля и 9 мая). Так, в 2017 г. к очередной годовщине победы состоялись 32 церемонии возложения цветов к различным захоронениям и монументам, причём в с. Бырдарски Геран специально к этой дате отремонтировали памятник в честь советских летчиков. Среди других дат – 6 июня (день рождения А.С. Пушкина), День Военно-морского флота, приходящийся на последнее воскресенье июля (отмечается возложением венков к памятнику в честь победы Ф.Ф. Ушакова в битве у Калиакры) и 4 октября (день запуска первого в мире спутника), который в 2017 г. отметили открытием тематической выставки.

¹¹ Патриарх Кирилл разочарован размыванием роли России в освобождении Болгарии // ТАСС. 04.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/obschestvo/5006763> (дата обращения 04.06.2018)

140-летие Освободительной войны приняло характер народного праздника, причём сами мероприятия шли фактически весь юбилейный год в разных частях страны. Так, на основе анализа официальной страницы в социальной сети «Фейсбук» российского посольства в Болгарии мы можем говорить, что за период с апреля 2017 г. по конец февраля 2018 гг. официальные представители различного уровня приняли участие примерно в 30 мероприятиях. В их число мы включили и деловые поездки в отдельные города, в рамках которых возлагались цветы к памятникам. Набор других символических жестов, приуроченных к 140-летию, оказался весьма стандартным для российской политики памяти и определялся ориентацией на визуальные образы и игровую форму: выпуск маркированного художественного конверта (совместно с Роспечатью), выставка литографий из личной коллекции посла А.А. Макарова в музее-панораме «Плевенская эпопея», проведение интеллектуальной игры (совместно с Фондом устойчивого развития Болгарии) и международного художественного конкурса «140 лет вместе. Россия – Болгария» (РИА Новости и газета «Стандарт»), гастроли Московского Синодального хора, показ художественного фильма Ю. Корабова «Юлия Вревская», художественно-документальная выставка на информационных витринах посольства России. Отметим, что среди символических жестов доминирование именно участия в церемониях лишним раз подчёркивает восприятие прошлого как квази-трансценденции, публичное обращение к которой самозначимо само по себе.

При этом, несмотря на обилие памятных знаков, постоянно происходит увеличение их числа. Например, к 135-летней годовщине освобождения при поддержке движения «Русофилы» в Софии были открыты памятник Александру II и офицерам П. Черевину, П. Барыш-Тыщенко, а также памятник генералу И.В. Гурко. В г. Стрелче появился монумент в честь полковника Н.А. Тимирязева, который освобождал этот город, а в Казанлыке – памятник генералу М.Д. Скобелеву. В 2015 г. в г. Смолянах местные власти установили памятник П.А. Черевину. К 140-летию юбилею в Софии была открыта памятная доска в честь генерала Н.Г. Столетова (при поддержке «Русофилов»), в г. Нова-Загоре – памятник Освобождению, а в с. Мраморе был отреставрирован памятник капитану А.П. Бураго. Отметим, что война 1877-78 гг. не является единственным историческим событием, увековечение которого происходит в Болгарии. Например, в 2006 г. на мысе Калиакра был создан мемориальный комплекс в честь победы, которую одержал русский флот Ф.Ф. Ушакова в 1791 г. В 2009 г. в Созополе был открыт памятник русским морякам, которые сражались здесь в 1828-1829 гг. В 2014 г. около Шипки появилась мемориальная доска на кладбище русских эмигрантов. В 2017 г. памятная доска в честь А.В. Суворова появилась в Софии.

Со стороны России активность проявляют и российские общественные организации, близкие к государству. Например, в 2017 г. по линии Российского исторического общества были переданы копии некоторых документов по войне 1877-78 гг., а на празднование 140-летнего юбилея вручили копии георгиевских знамен русских полков. Активность проявил Российский институт стратегиче-

ских исследований, а именно его руководитель (до 2017 г.) Л.П. Решетников, по инициативе которого под г. Еленой в марте 2014 г. был открыт мемориальный комплекс «Казачий крест» (поклонный крест и часовня), посвящённый подвигу эскадрона 13-го драгунского Военного Орденского полка.¹²

Степень активности болгарского посольства в Москве, Болгарского культурного центра и других структур на территории России оказалась намного скромнее. Так, за юбилейный период были открыты четыре выставки, которые в разное время экспонировались в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Великом Новгороде и Владимире. Причём две из них выставлялись в органах государственной власти, в Государственной думе и Министерстве иностранных дел. В 2018 г. в Третьяковской галерее в рамках открытия выставки В. Верещагина состоялась кинопанорама болгарских исторических фильмов¹³. Кроме того, представители посольства приняли участие в памятных мероприятиях 10 декабря и 3 марта у памятника Плевны.

Поставив перед собою цель изучить функционирование и политизацию пространств совместной памяти России и Болгарии, мы должны констатировать, что в значительной степени символические жесты и места памяти локализованы на болгарской земле, а потому в минимальной степени затрагивают широкие слои российского населения. Поскольку средства массовой информации проявляют особенный интерес именно к скандалам, то в конечном итоге они лишь подпитывают миф о «болгарской неблагодарности». Работа, которая ведётся на местах, остаётся скрытой и недостаточно символически репрезентированной, т.е. неоценённой. Формируемое на этом уровне семиотическое пространство не способствует активации частных инициатив в историко-культурной сфере. Символическую значимость получают действия неизвестных вандалов, но вовсе не общественные проекты, что, конечно, приводило бы к их позитивной политизации.

Создаваемые же пространства совместной памяти за счёт общих практик поклонения, православных церемоний и распространения единых образов (в виде выставок) являются достаточно хрупкими, поскольку вписываются в разные национальные нарративы. Эта сообщество производима перформативно, но с трудом выражаемая дискурсивно. Стремление официальных представителей России через обращение к различным событиям прошлого обозначить свою историческую значимость, возвещать о воинской славе спасительницы, казалось бы, находит встречную готовность признания этого статуса. Однако проблема заключается в том, что политически Болгария идёт именно по общеевропейскому пути, что требует подчёркивания единства судьбы европейских народов. Неудивительно здесь столь трепетное отношение к памяти о спасённых евреях. За

¹² Обзор прессы по казачеству (30.06-16.07) // МИД России. Официальный сайт. 25.07.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/materialy-komissii-po-voprosam-kazac-ih-obshestv/-/asset_publisher/aLRfN6MT9msV/content/id/676799 (дата обращения 04.06.2017).

¹³ Изложби за войната жънат голям успех в цяла Русия Копирано // Страна. 24.11.2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.standartnews.com/mneniya-intervyuta/izlozhibi_za_voynata_zhanat_golyam_uspeh_v_tsyala_rusiy-a-365375.html (дата обращения 04.06.2017).

«идеальным измерением» российско-болгарских отношений фактически отсутствует общий политический проект. Конечно, нельзя обходить стороной факт существования определённой тенденции, направленной на размывание роли России в истории Болгарии, однако стоит понимать, что она на данный момент не является доминирующей, а различного рода медийные скандалы и проведение слишком жёсткой линии по «отстаиванию достижений прошлого» лишь усиливают её.

Из этой ситуации есть только два выхода. Первый: медийные «войны памяти» будут периодически возникать вновь и вновь до тех пор, пока не появится политическая воля к налаживанию взаимоотношений. Второй: произойдёт трансформация способов обращения к прошлому. Общее прошлое должно быть не просто способом публично что-то засвидетельствовать, но и – прежде всего – предлогом для активизации различного рода сотрудничества. Совместные исследовательские, популяризаторские, туристические, художественные и иные проекты в этом случае подчиняются иной прагматике, а именно формированию сетей доверия, социальных связей (например, между творческим кругами, талантливой молодёжью), которые затем можно было бы использовать для активизации взаимодействия в экономической и политической сферах.

Автор выражает благодарность доктору Р. Михневой (Софийский университет) и к.ист.н. Н.С. Гусеву (Институт славяноведения РАН) за ценные замечания, высказанные во время работы над статьей.

Список литературы:

1. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Праксис, 2013. 640 с.
2. Андресон П. Перипетии гегемонии. М.: Институт Гайдара, 2018. 296 с.
3. Баева И. Болгария в 1985–1991 гг. – от самого верного советского сателлита при Тодоре Живкове к повороту на Запад и началу демократии // *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis*. К юбилею Т.В. Волокитиной. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 139–164.
4. Баева И. Политическа употреба на руско-турската освободителна война от 1877 – 1878 г. в България след 1989 г. // *Войни. Революции*. Памет. Т. 3 / под ред. Р. Михнева, К. Грозев, М. Фролова. София, Камея Груп, 2017. С. 172–184.
5. Баторевич Н.И., Кожицева Т.Д. Памятники российскому воинству за рубежом (XVIII – начало XX в.). СПб: Дмитрий Булавин, 2011. 336 с.
6. Бурлинова Н., Иванченко В., Грибкова Д. Российская публичная дипломатия в 2017 г. М.: Креативная дипломатия, 2017. 36 с.
7. Валева Т.Э. Новые приоритеты Болгарии // *Современная Европа*. 2003. № 2. С. 87–95.
8. Васильев А. Постсоциалистическая Болгария: два десятилетия преобразований [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 31.01.2012. URL: http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/postsotsialisticheskaya-bolgariya-dva-desyatiletija-preobraz/?sphrase_id=143601 (дата обращения: 10.03.2018).
9. Ведерникова Т. Война империи за свободу болгар (о социальном и этноконфессиональном составе российских участников русско-турецкой войны 1877–78 гг.) // *Войни. Революции*. Памет. Т. 3 / Ред. Р. Михнева, К. Грозев, М. Фролова. София, 2017. С. 85–93.
10. Вершинина И.А., Курбанов А.Р. Социально-политические изменения и трансформация городского пространства (на примере столиц Восточной Европы) // *Вестник Москов-*

- ского университета. Серия: социология и политология. 2018. № 1. С. 107-126.
11. Геруа Б.В. Вооруженные силы Болгарии. СПб.: Главное управление Генерального штаба, 1911. 68 с.
  12. Грибан И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. в образовательном пространстве России (по материалам школьных учебников по истории) // Войни. Революции. Памет. Т. 3 / Под ред. Р. Михнева, К. Грозев, М. Фролова. София, 2017. С. 185-192.
  13. Гришина Р.П. Заметки об изданиях, посвященных 130-летию русско-турецкой войны и освобождению Болгарии // Славяноведение. 2010. № 3. С. 3-19.
  14. Гулиев И. Дело – труба: Россия на развилке газовых потоков [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам, 16.08.2016. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/delo-trubarossiya-na-razvilke-gazovykh-potokov/> (дата обращения: 10.03.2018).
  15. Гусев Н.С. Образ России и русских в сознании Болгар в период балканских войн 1912-1913 гг. // Дриновский збирник. 2013. № 6. С. 170-179.
  16. Гусев Н.С. По следам русской эмиграции в Софии // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 5. С. 237-240.
  17. Гусев Н.С. Русские и болгары после Балканских войн: взаимное разочарование // Славянский альманах. 2014. Вып. 1–2. С. 123–133.
  18. Гусев Н.С. Русский «фронт» борьбы за Македония // Родина. 2014. № 6. С. 82-85.
  19. Иванов И. Западная цивилизация против советской памяти [Электронный ресурс] // Военное обозрение. 2016. 18 февр. URL: <https://topwar.ru/91075-zapadnaya-civilizaciya-protiv-pamyat-sssr.html> (дата обращения: 10.03.2018).
  20. Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН, 2012. 192 с.
  21. Катона В. Векские аргументы Пентагона [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2015. 27 июля. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/veskie-argumenty-pentagona/> (дата обращения: 10.03.2018).
  22. Ковалев М.В. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. в исторической памяти русской эмиграции // Славянский альманах. 2016. № 1-2. С. 109-125.
  23. Коктыш К.Е. Когнитивные интеграторы: опыт моделирования социальной динамики // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 255-260.
  24. Коненкова А.К. Храмы-памятники, построенные в память содружества славянских народов в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2013. № 8 (1). С. 307-313.
  25. Косик В.И. Софии русский уголок. Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2008. 236 с.
  26. Малинов Н. О судьбе русских некрополей в Болгарии // Острова нашей памяти. Судьбы русских некрополей на чужбине / под ред. О.В. Петровской. М.: РИСИ, 2013. С. 54-57.
  27. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1. С. 111-121.
  28. Михнева Р., Грозев К., Рупчева Г. «Малката Русия» на жълтите павета. София: Камея Груп ЕООД, 2016. 246 с.
  29. Морозов В.Е. Россия и Другие. Идентичность и границы политического сообщества. М.: НЛЮ, 2009. 651 с.
  30. Сергеев В.М., Алексеев Е.С. Теория и практика политической коммуникации. М.: МГИМО-Университет, 2010. 125 с.
  31. Страсти по юбилею. 140-летие освобождения Болгарии от османского владычества в российской и болгарской политической риторике // Историческая экспертиза. 2018. № 2. С. 100-127.
  32. Хархордин О.А. Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 328 с.
  33. Эрлих С.Е. Глобальная память информационного общества: этика, идентичность, нарратив // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 11-32.
  34. Юренева Т.Ю. Русско-турецкая война 1877-1878 гг.: Болгария, Россия и СССР в поисках музейной версии // Вестник славянских культур. 2016. № 4. С. 21-33.
  35. Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 520 с.
  36. Bottici Ch., Challand B. Imagining Europe Myth, Memory, and Identity. Cambridge University press, 2013. 200 p.
  37. Büttner, S. Delius A. World Culture in European Memory Politics? New European Memory Agents Between Epistemic Framing and Political

- Agenda Setting // *Journal of Contemporary European Studies*. 2015. Vol. 23. No. 3. Pp. 391-404.
38. Feierstein D. *Genocide as Social Practice*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2014. 288 p.
  39. Fierke K.M. Who is my neighbour? Memories of the Holocaust/al Nakba and a global ethic of care // *European Journal of International Relations*. 2014. Vol. 20 (3). Pp. 787–809.
  40. Ganev V. The Inescapable Past. The Politics of Memory in Post-Communist Bulgaria // *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration* / Ed. by Bernhard M. and Kubik J. Oxford: Oxford University Press, 2014. Pp. 214-231.
  41. Greenspan E. A Global Site of Heritage? Constructing Spaces of Memory at the World Trade Center Site // *International Journal of Heritage Studies*. 2005. Vol. 11. No. 5. Pp. 371-384.
  42. Gur-Zéev I., Pappé I. Beyond the Destruction of the Other's Collective Memory. Blueprints for a Palestinian/Israeli Dialogue // *Theory, Culture & Society*. 2003. Vol. 20. N. 1. Pp. 93-108.
  43. Kaneva N. Remembering Communist Violence. The Bulgarian Gulag and the conscience of the West // *Journal of Communication Inquiry*. 2007. Vol. 31. No. 1. Pp. 44-61.
  44. Kucia M. The Europeanization of Holocaust Memory and Eastern Europe // *East European Politics and Societies and Cultures*. 2016. Vol. 30. No. 1. Pp. 97-119.
  45. Levy D., Sznajder N. The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory // *European Journal of Social Theory*. 2002. Vol. 5. No. 1. Pp. 87-106.
  46. Marchard O. *Post-Foundational Political Thought*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 198 p.
  47. Mihelj S. Memory, post-socialism and the media: Nostalgia and beyond // *European Journal of Cultural Studies* 2017. Vol. 20 (3). Pp. 235 –251.
  48. Oates-Indruchová L., Mueller W. From the Iron Curtain to the Schengen Area: Memory Cultures of Bordering Communist and Postcommunist Europe // *East European Politics and Societies and Cultures*. 2017. Vol. 31. No. 2. Pp. 227 –233.
  49. Ofer, D. Tormented Memories: The Individual and the Collective // *Israel Studies*. 2004. Vol. 9. Is. 3. Pp. 137-156.
  50. Pentzold C. Fixing the floating gap: The online encyclopaedia Wikipedia as a global memory place // *Memory studies*. 2009. Vol 2. No. 2. Pp. 255–272.
  51. Ryan L. Cosmopolitan memory and national memory conflicts: On the dynamics of their interaction // *Journal of Sociology*. 2014. Vol. 50. No. 4. Pp. 501–514.
  52. Stepnisky J. Global Memory and the Rhythm of Life // *Behavioral Scientist*. 2005. Vol. 48 No. 10. Pp. 1383-1402.

Об авторе:

Константин Александрович Пахалюк – аспирант кафедры политической теории МГИМО МИД России. Москва, проспект Вернадского, 76, Россия, 119454.
E-mail: kap1914@yandex.ru.

RUSSIA AND BULGARIA: FROM «MEMORIAL WARS» TO THE SEARCH FOR COMMON PAST

K.A. Pakhaluk
DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-178-203

Moscow State Institute of International Relations (University)

The reference to history in the context of Russia's foreign policy is considered as an appeal to the quasi-transcendence, whereby an ideal dimension is added to the practical (politi-

cal, economic) aspects of international relations. It is noted that only in the 2010s Russian diplomacy began to pay special attention to such «symbolic games», designed to provide the moral basis for foreign policy through reference to the historical role that Russia plays on the international arena. This, in turn, leads to the dominance of performative practices, rather than to the building of dialogue spaces. In practice, the politicization of historical memory is conducted in two ways: inclusion in foreign policy discourse and by various symbolic practices of addressing to the common past during official visits. The author suggests distinguishing actual memory places and symbolic gestures aimed at their actualization. Russian-Bulgarian relations are characterized by asymmetry in the spaces of shared memory, memory places are mainly localized in Bulgaria. We outline main practices of turning places of memory into the common spaces of memory, but interpretations of these symbolic gestures in Russia and Bulgaria are structured by different national historical narratives. The memory of the Russian-Turkish war of 1877-1878 and the liberation of Bulgaria during the WWII are assigned greater importance in Bulgaria than in Russia. This asymmetry leads to the fact that a significant work of the Bulgarian authorities, Bulgarian and Russian public organizations on the arrangement of places of memory and setting up new memorials is invisible in Russia, while Russian foreign policy discourse is dominated by the emphasis on negative aspects (for example, actions of individual vandals to destroy the monument of the Soviet Army in Sofia). This deprives the ongoing work in the field of symbolic support and at the same time forms a myth of «Bulgarian ingratitude». The most striking example is the scandal during the 140-year celebration of the liberation of Bulgaria in March 2018, which is based on a different understanding of how the achievements of the Imperial period should be interpreted today.

Key words: historical memory, discourse analysis, foreign policy identity, foreign policy discourse, cultural policy, public diplomacy, soft power, Russian-Bulgarian relations, Russian-Turkish war of 1877-1878, memorial cooperation.

References

1. Aleksander Dzh. *Smysly sotsial'noi zhizni: Kul'tursotsiologiya* [The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology]. Moscow, Praksis Publ., 2013. 640 p. (In Russian)
2. Andreson P. *Peripetii gegemonii* [Perepetitions of hegemony]. Moscow, Institut Gajdara Publ., 2018. 296 p. (In Russian).
3. Baeva I. *Bolgariia v 1985–1991 gg. – ot samogo vernogo sovetского satellita pri Todore Zhivkove k povorotu na Zapad i nachalu demokratii* [Bulgaria in 1985-1991 – from the most faithful satellite under Todorov to the turn to the West and democracy] // *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis*. K iubileiu T.V. Volokitinoi. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2017. Pp. 139-164. (In Russian).
4. Baeva I. *Politicheska upotreba na rusko-turskata osvoboditelna vojna ot 1877 – 1878 g. v B"lgariia sled 1989 g.* [Political interpretation of Russian-Turkish war 1877-78 in Bulgaria in 1989] // *Voini. Revoliutsii. Pamet* [Wars. Revolutions. Memory]. Vol. 3. Ed. by R. Mikhneva, K. Grozev, M. Frolova. Sofia, Kameya Grup Publ., 2017. Pp. 172-184. (In Bulgarian).
5. Batorevich N.I., Kozhitseva T.D. *Pamiatniki rossiiskomu voinstvu za rubezhom* [Monuments to the Russian soldiers abroad]. XVIII – nachalo XX v. St. Petersburg, Dmitrii Bulavin Publ., 2011. 336 p. (In Russian).
6. Burlinova N., Ivanchenko V., Gribkova D. *Rossiiskaia publichnaia diplomatiia v 2017 g.* [Russian public diplomacy in 2017]. Moscow, Kreativnaia diplomatiia Publ., 2017. 36 p. (In Russian).
7. Valeva T.E. *Novye priority Bolgarii* [New priorities of Bulgaria]. *Sovremennaia Evropa*, 2003, no. 2, pp. 87-95 (in Russian).
8. Vasilev A. *Postsocialisticheskaya Bol-*

- gariya: dva desyatiletija preobrazovanij [Postsocialist Bulgaria: 20 years of reforms]. *Rossiiskij sovet po mezhdunarodnym delam*, 31.01.2012. Available at: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/postsotsialisticheskaya-bolgariya-dva-desyatiletija-preobraz/?sphrase_id=143601 (Accessed: 10.03.2018). (In Russian).
9. Vedernikova T. Voina imperii za svobodu bolgar (o sotsial'nom i etnokonfessional'nom sostave rossiiskikh uchastnikov russko-turetskoi voiny 1877-78 gg.) [Imperial war for liberation of Bulgaria]. *Voini. Revoliutsii. Pamet*, 2017, vol. 3, pp. 85-93 (in Russian).
  10. Vershinina I.A., Kurbanov A.R. Sotsial'no-politicheskie izmeneniia i transformatsiia gorodskogo prostranstva (na primere stolits Vostochnoi Evropy) [Social-political developments and transformation of urban space]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: sotsiologiya i politologiya*, 2018, no. 1, pp. 107-126 (in Russian).
  11. Gerua B.V. *Vooruzhennyye sily Bolgarii* [Military forces of Bulgaria]. St. Petersburg, Glavnoe upravlenie General'nogo shtaba Publ., 1911. 68 p. (In Russian).
  12. Griban I. Russko-turetskaia voina 1877-1878 gg. v obrazovatel'nom prostranstve Rossii (po materialam shkol'nykh uchebnikov po istorii) [Russain-Turkish war 1877-1878 in school education in Russia]. *Voini. Revoliutsii. Pamet*, 2017, vol. 3, pp. 185-192 (in Russian).
  13. Grishina R.P. Zametki ob izdaniakh, posviashchennykh 130-letiiu russko-turetskoi voiny i osvobozhdeniiu Bolgarii [Comments on publications to 130-anniversary of Russian-Turkish war and liberation of Bulgaria]. *Slavianovedenie*, 2010, no. 3, pp. 3-19 (in Russian).
  14. Guliev I. Delo – truba: Rossiia na razvilke gazovykh potokov [Russia at the fork in gas flows]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*, 16.08.2016. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/delo-truba-rossiya-na-razvilke-gazovykh-potokov/> (Accessed: 10.03.2018). (In Russian).
  15. Gusev N.S. Obraz Rossii i russkikh v soznanii Bolgar v period balkanskikh voyn 1912-1913 gg. [The image of Russia and Russians in the minds of Bulgarians during the Balkan wars of 1912-1913]. *Drinovskii zbirnik*, 2013, no. 6, pp. 170-179 (In Russian).
  16. Gusev N.S. Po sledam russkoi emigratsii v Sofii [In the footsteps of the Russian emigration in Sofia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2017, no. 5, pp. 237-240 (in Russian).
  17. Gusev N.S. Russkie i bolgary posle Balkanskikh voyn: vzaimnoe razocharovanie [Russians and Bulgarians after the Balkan wars: mutual disappointment]. *Slavianskii al'manakh*, 2014, iss. 1-2, pp. 123-133 (in Russian).
  18. Gusev N.S. Russkii «front» bor'by za Makedoniia [Russian “front” for Macedonia]. *Rodina*, 2014, no. 6, pp. 82-85 (in Russian).
  19. Ivanov I. Zapadnaia tsivilizatsiia protiv sovetsskoi pamiati [Western civilization against Russian memory]. *Voennoe obozrenie*, 18.02.2016. Available at: <https://topwar.ru/91075-zapadnaya-civilizatsiya-protiv-pamyat-sssr.html> (Accessed: 10.03.2018). (In Russian).
  20. Kaspe S.I. Politicheskaya teologiya i natsion-building: obshie polozheniya, rossiiskij sluchaj [Political theology and nation-building: basics and Russian case]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 196 p. (In Russian)
  21. Katona V. Veskie argumenty Pentagona [Good arguments of Pentagon]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*, 27.07.2015. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/veskie-argumenty-pentagona/> (Accessed: 10.03.2018). (In Russian).
  22. Kovalev M.V. Russko-turetskaia voina 1877-1878 gg. v istoricheskoi pamyati russkoi emigratsii [Russia-Turkish war 1877-78 in the memory of Russian emigrants]. *Slavyanskii almanakh*, 2016, no. 1-2, pp. 109-125 (In Russian).
  23. Koktysh K.E. Kognitivnye integratory: opyt modelirovaniia sotsial'noi dinamiki [Cognitive integration: modelling social dynamic]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2010, no. 4, pp. 255-260 (in Russian).

24. Konenkova A.K. Hramy-pamyatniki, postroennye v pamyat sodruzhestva slavyanskikh narodov v rusско-tureckoj vojne 1877-1878 gg. [Temples-monuments, built in memory of the commonwealth of the Slavic peoples in the Russian-Turkish war of 1877-1878]. *Slavyanskij mir v tretem tysyacheletii*, 2013, no. 8 (1), pp. 307-313 (in Russian).
25. Kosik V.I. Sofii russkii ugolok. Ocherki so stikhami o russkikh, pokinuvshikh Rossiyu posle oktiabr'skoi revoliutsii 1917 goda i posledovavshei za nei grazhdanskoi voiny [Russian area in Sofia. Essays with poems about Russians who left Russia after the October revolution of 1917 and the civil war that followed it]. Moscow, PROBEL-2000 Publ., 2008. 236 p. (In Russian).
26. Malinov N. O sud'be russkikh nekropolei v Bolgarii [About the fate of Russian necropolis in Bulgaria]. *Ostrova nashei pamiati. Sud'by russkikh nekropolei na chuzhbine* [Islands of our memory. The fate of the Russian necropolises in a foreign land]. Ed. by O.V. Petrovskaya. Moscow, RISI Publ., 2013. Pp. 54-57. (In Russian).
27. Miller A.I. Politika pamyati v postkommunisticheskoi Evrope i ee vozdeystvie na evropejskuyu kulturu pamyati [Politics of memory in Postcommunist Europe and its influence on the European culture of memory]. *Politiya*, 2016, no. 1, pp. 111-121 (in Russian).
28. Mikhneva R., Grozev K., Rupcheva G. "Malkata Rusiia" na zh'ltite paveta [Small Russia on yellow cobble]. Sofia, Kameia Grup Publ., 2016. 246 p. (In Russian).
29. Morozov V.E. Rossiia i Drugie. Identichnost' i granitsy politicheskogo soobshchestva [Russia and Others. Identity and boundaries of the political community.]. Moscow, NLO Publ., 2009. 651 p. (In Russian).
30. Sergeev V.M., Alekseenkova E.S. Teoriia i praktika politicheskoi kommunikatsii [Theory and practice of political communication]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2010. 125 p. (In Russian).
31. Strasti po yubileyu. 140-letie osvobodzheniya Bolgarii ot osmanskogo vladychestva v rossijskoi i bolgarskoi politicheskoi ritorike [Passion on the anniversary. 140th anniversary of the liberation of Bulgaria from Ottoman rule in Russian and Bulgarian political rhetoric]. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2018, no. 2, pp. 100-127 (in Russian).
32. Kharkhordin O.A. *Osnovnye poniatiia rossijskoi politiki* [Main concepts of Russian politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 328 p. (In Russian).
33. Erlikh S.E. Global'naiia pamiat' informatsionnogo obshchestva: etika, identichnost', narrativ [Global memory of the information society: ethics, identity, narrative]. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2016, no. 3, pp. 11-32 (in Russian).
34. Yureneva T.Yu. Rusско-tureckaya vojna 1877-1878 gg.: Bolgariya, Rossiya i SSSR v poiskah muzejnoj versii [Russian-Turkish war of 1877-78: Bulgaria, Russia and USSR in search of museum version]. *Vestnik slavyanskikh kultur*, 2016, no. 4, pp. 21-33 (in Russian).
35. Iak B. *Natsionalizm i moral'naiia psikhologiya soobshchestva* [Nationalism and the moral psychology of community]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ., 2017. 520 p.
36. Bottici Ch., Challand B. *Imagining Europe Myth, Memory, and Identity*. Cambridge University press, 2013. 200 p.
37. Büttner, S. Delius A. World Culture in European Memory Politics? New European Memory Agents Between Epistemic Framing and Political Agenda Setting. *Journal of Contemporary European Studies*, 2015, vol. 23, no 3, pp. 391-404.
38. Feierstein D. *Genocide as Social Practice*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2014. 288 p.
39. Fierke K.M. Who is my neighbour? Memories of the Holocaust/al Nakba and a global ethic of care // *European Journal of International Relations*, 2014, vol. 20 (3), pp. 787-809.
40. Ganev V. The Inescapable Past. The Politics of Memory in Post-Communist Bulgaria // *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration* / ed. by Bernhard M. and Kubik J. Oxford, Oxford University Press Publ.,

2014. Pp. 214-232.
41. Greenspan E. A Global Site of Heritage? Constructing Spaces of Memory at the World Trade Center Site. *International Journal of Heritage Studies*, 2005, vol. 11, no. 5, pp. 371-384.
  42. Gur-Zé'ev I., Pappé I. Beyond the Destruction of the Other's Collective Memory. Blueprints for a Palestinian/Israeli Dialogue. *Theory, Culture & Society*, 2003, vol. 20, no. 1, pp. 93-108.
  43. Kaneva N. Remembering Communist Violence. The Bulgarian Gulag and the conscience of the West. *Journal of Communication Inquiry*, 2007, vol. 31, no. 1, pp. 44-61.
  44. Kucia M. The Europeanization of Holocaust Memory and Eastern Europe. *East European Politics and Societies and Cultures*, 2016, vol. 30, no. 1, pp. 97-119.
  45. Levy D., Sznajder N. The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory. *European Journal of Social Theory*, 2002, vol. 5, no. 1, pp. 87-106.
  46. Marchard O. *Post-Foundational Political Thought*. Edinburgh, Edinburgh University Press Publ., 2007. 198 p.
  47. Mihelj S. Memory, post-socialism and the media: Nostalgia and beyond. *European Journal of Cultural Studies*, 2017, vol. 20 (3), pp. 235 –251.
  48. Oates-Indruchová L., Mueller W. From the Iron Curtain to the Schengen Area: Memory Cultures of Bordering Communist and Postcommunist Europe. *East European Politics and Societies and Cultures*, 2017, vol. 31, no. 2, pp. 227 –233.
  49. Ofer, D. Tormented Memories: The Individual and the Collective. *Israel Studies*, 2004, vol. 9, is. 3, pp. 137-156.
  50. Pentzold C. Fixing the floating gap: The online encyclopaedia Wikipedia as a global memory place. *Memory studies*, 2009, vol 2, no. 2, pp. 255–272.
  51. Ryan L. Cosmopolitan memory and national memory conflicts: On the dynamics of their interaction. *Journal of Sociology*, 2014, vol. 50, no. 4, pp. 501–514.
  52. Stepnisky J. Global Memory and the Rhythm of Life. *Behavioral Scientist*, 2005, vol. 48, no. 10, pp. 1383-1402.

About the author:

Konstantin A. Pakhaluk – postgraduate student, Department of political science, MGIMO-University. 76 Vernadsky prospect, Moscow, Russia, 119454. E-mail: kap1914@yandex.